

Российское общество преподавателей русского языка и литературы
(РОПРЯЛ)

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Институт русского языка им. В.В. Виноградова

Университет им. Т.Г. Масарика (Чехия)

Варминско-Мазурский университет (Польша)

Русская словесность в контексте мировой культуры

Материалы
Международной научной конференции РОПРЯЛ

(Нижний Новгород, 3–5 октября 2007 г.)

Нижний Новгород
Издательство Нижегородского госуниверситета
2007

УДК 800

ББК Ш

Редакционная коллегия:

*доц. Л.И. Ручина (отв. редактор), проф. Л.В. Рацибурская (зам.
отв. редактора), проф. И.В. Киреева, проф. Н.М. Фортунатов,
проф. Т.А. Шарытина*

Русская словесность в контексте мировой культуры: Материалы
Международной научной конференции РОПРЯЛ. – Нижний Новгород:
Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2007. – 513 с.

ISBN 978-5-91326-040-6

В материалах конференции Российского общества преподавателей русского языка и литературы, состоявшейся 3–5 октября 2007 г. на филологическом факультете Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, отражены проблемы методологии современных лингвистических и литературоведческих исследований; истории русского языка и сопоставительного славяноведения; лексикографии, терминологии, культуры речи; языковой картины мира и межкультурной коммуникации; проблемы интерпретации художественного текста; филологического обеспечения искусствознания; региональных аспектов филологических исследований; языка СМИ; филологических аспектов исследования рекламы и PR; русской устной словесности.

ISBN 978-5-91326-040-6

ББК Ш

© Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского, 2007
© РОПРЯЛ, 2007

фюмер» (Das Parfum, 1985), влияние которого очевидно. Сразу бросается в глаза идентичность исходной сюжетной ситуации: природная гениальность в области, практически не оставляющей следа, звуков или запахов; отсутствие условий реализации таланта и самосовершенствование; наличие некоего изъяна (желтые глаза Элиаса, отсутствие запаха у Гренуя), который вызывает неприятие и страх у окружающих. Неоднократно в обоих романах повторяются слова, что с ребенком (Альдером или Гренуем) «что-то неладно». Схожи и финалы романов, заканчивающихся изощренным, жестоким самоубийством героев в тот момент, когда они создают гениальные творения, обретают особую власть над людьми, только причины, приведшие их к этому, различны. По сути, Шнайдер предлагает свою версию развития темы «гения и злодейства»: у его героя музыканта-импровизатора Элиаса Альдера доброе сердце, которое дает возможность надеяться, любить и прощать. Отсюда и более оптимистичный, светлый финал романа — вопрос маленького Космы Альдера, сына Эльзбет, возлюбленной Элиаса, одновременно простой и неразрешимый, риторический вопрос, обращенный автором скорее к самому себе или читателю: «Матушка, а что такое любовь?».

Итак, образ музыканта-импровизатора складывается в соотношении с рядом мифологем и в контексте различных литературных аллюзий. Особое обобщенное звучание приобретает образ Элиаса Альдера в контексте романтической теории и сопоставлении книги с реквиемом.

Список литературы

1. Бауэр В. Энциклопедия символов. М., 1998.
2. Керлот Х.Э. Словарь символов: Мифология. Магия. Психоанализ. М., 1994.
3. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки // Избранные работы. СПб., 2003.
4. Полная энциклопедия символов и знаков / Авт.-сост. В.В. Адамчик. Минск, 2007.
5. Шнайдер Р. Сестра сна. СПб., 2003.
6. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Минск, 1999.
7. Энциклопедия символов, знаков, эмблем. М., 2000.
8. Schneider R. Schlafes Bruder. Leipzig, 1992.

Е.В. Метлякова (Ижевск)

ПОВТОРНАЯ НОМИНАЦИЯ В ПОЭЗИИ АННЫ АХМАТОВОЙ (на материале стихотворения «Здесь все то же, то же, что и прежде»)

Лингвистическая наука всегда интересовалась вопросами структурно-семантической организации связного текста. Одной из особенностей построения такого текста считается наличие в предложениях, его составляющих, некоего сигнала, указывающего, какую именно часть уже воспринятого читателем содержания развивает каждое последующее предложение. Именно поэтому почти все предложения связных текстов, как правило, содержат в своем составе слова, кото-

рые перекликаются со смыслом уже встретившихся ранее слов, словосочетаний или даже целых предложений.

Установление внутритекстовых связей становится возможным благодаря наличию такой грамматической категории текста, как повторяемость. Повторная номинация (далее ПН) — «наименование уже ранее обозначенного в данном контексте денотата: лица, предмета, действия, качества» [2:123] — выполняет текстообразующую функцию: повторы (прежде всего лексические) тематически и грамматически связывают высказывания, межфразовые единства. Кроме этого, повтор «эстетически высвечивает идейно-смысловой контрапункт» [3:91], создает условия для возникновения индивидуально-авторских значений; повтором, через повтор выражается подтекст, символ, лейтмотив, повтор — это способ фиксации внимания. Повтор является одним из наиболее стабильных экспрессивных средств межфразовой связи, выполняющих текстообразующую функцию. То есть ПН выполняет еще и усилительную, стилистико-экспрессивную функцию. При этом с помощью повтора уточняется денотат, о котором идет речь, и мы можем говорить о семантической функции данного выразительного средства.

В синтагматическом плане (то есть с точки зрения расположения номинаций в тексте) различаются дистантные и контактные (сопряженные) ПН. Контактные ПН следуют в тексте непосредственно друг за другом, служа больше не средством связи слов в предложении, а средством эмоционально-оценочного выражения. Дистантные ПН обнаруживаются в новых актах обозначения и могут быть разделены целыми предложениями и даже абзацами. Повтор слова в соседних предложениях «делает его если не центром, то во всяком случае важным составным элементом высказывания, настойчиво привлекая к нему внимание слушателя или читателя» [4: 52].

В парадигматическом плане (т.е. с точки зрения отношения наименования к объекту) ПН может быть идентичной и вариативной. Идентичные ПН предполагают повтор с одинаковым лексическим оформлением или повтор с идентифицирующим определением (тот, этот, такой и др.). Этот повтор не будет являться только текстообразующим, так как даже абсолютный повтор (полное совпадение), меняя место в тексте, будет наполняться новым смыслом и тем самым приобретать экспрессивно-стилистическое значение. Вариативные ПН возникают в том случае, когда новое наименование в смысловом отношении отличается от предыдущего, и позволяют читателю по-новому увидеть и оценить изображаемое. Вариативные ПН могут быть представлены синонимическим, гипер/гипонимическим, метонимическим, перифрастическим, антонимическим повтором или так называемыми словами-заместителями.

В функциональном плане (с какой целью выбирается та или иная семантическая структура или расположение наименований) ПН может быть нейтральной и экспрессивной. Основная функция нейтральных ПН — композиционная, то есть установление внутритекстовых связей. Экспрессивные ПН позволяют прежде всего установить содержательные связи в художественном произведении, идентифицировать предмет речи, проследить этапность сообщаемой о нем информации, подчеркнуть авторскую позицию.

В возможности выбора повторного наименования проявляется творческое начало художника. Повторяемость различных элементов текста напрямую соотносится с эстетическими задачами и художественной ценностью литературного произведения. Обратимся к стихотворению Анны Ахматовой.

Здесь все то же, то же, что и прежде,
 Здесь напрасным кажется мечтать.
 В доме, у дороги непроезжей,
 Надо рано ставни запирать.
 Тихий дом мой пуст и неприветлив,
 Он на лес глядит одним окном,
 В нем кого-то вынули из петли
 И бранили мертвого потом.
 Был он грустен или тайно-весел,
 Только смерть — большое торжество.
 На истертом красном плюше кресел
 Изредка мелькает тень его.
 И часы с кукушкой ночи рады,
 Все слышней их четкий разговор.
 В щелочку смотрю я: конокрады
 Зажигают за холмом костер.
 И, пророча близкое ненастье,
 Низко, низко стелется дымок.
 Мне не страшно. Я ношу на счастье
 Темно-синий шелковый шнурок. [1: 59]

Главным действующим лицом в стихотворении является дом, он живет своей жизнью, одушевлен: *неприветлив, глядит, часы с кукушкой рады, слышней их разговор*. Героиня же неактивна: в тексте есть несколько глаголов и слов категории состояния, свидетельствующих о ее действиях (*смотрю, не страшно, ношу*), но все эти слова не выражают активной жизненной позиции: нет эмоций, действий, переживаний, героиня просто ЕСТЬ, даже тень живет (*она мелькает*).

Несмотря на то, что дом — главное действующее лицо, он символизирует пустоту и безнадежность. Давящая атмосфера дома, невозможность что-либо изменить выражены в контактном идентичном повторе (*то же, то же*), то же, что было раньше, до повешения персонажа, — с его смертью ничего не изменилось. Повторяя два раза *здесь* (в стихотворении лишь в третьей строчке называется это место домом), лирическая героиня сначала просто обозначает пространство как негативное и безнадежное (*здесь напрасным кажется мечтать*), которое домом она назвать не может (дом как крепость, покой, свое место здесь не присутствует). Ставя *здесь* в сильной позиции начала строки и повторяя его, героиня подчеркивает, что отрицательные ощущения она получает именно от этого места (*дороги непроезжей, дом... неприветлив, вынули из петли*). Это впечатление усиливается тройным повтором (*тихий дом мой пуст и неприветлив*). Героиня три раза в одной строке обращает внимание на то, что ей одиноко в доме (*тихий, пуст, неприветлив*), а так как дом у непроезжей дороги, то и общаться героине не с кем (на это даже нет надежды), а конокрады за холмом зажигают костер (она их не видит).

Выход из этой давящей атмосферы один (*только смерть — большое торжество*), которым воспользовался персонаж. Эта строка в стихотворении десятая (из 20), то есть центр стихотворения не только композиционно, но и семантически. Выйти из этого дома можно только в мир иной, и это считается благом (*большое торжество*). Это понимает и героиня (*пророча близкое ненастье, / Низко, низко стелется дымок*). Слово *ненастье* в этом контексте имеет два значения: 1) непо-

года (народная примета о низко стелющемся дыме), 2) близящаяся смерть героини. Само слово *нечастье* как смерть героини рифмуется со словом *счастье*, лишний раз подтверждая единственный желанный выход из этого дома — смерть.

Фонетическое сходство слов *близкое* и *низко* наводит на мысль о сходстве семантическом: близкая смерть (в ряду смерть — могила — земля) актуализирует необходимость повтора *низко*, *низко* (к земле), тем самым еще раз подтверждая неизбежность смерти и ее скорый приход. Сама героиня ее не боится (*не страшно*), она к ней готова, она носит на счастье (так как смерть желаемая) темно-синий шелковый шнурок (не подкову, не талисман). Шнурок ассоциативно возвращает нас к петле, в которой уже нашел смерть предыдущий персонаж. Они оба (героиня и персонаж) видят один выход из сложной ситуации, из безнадежности, что опять нас возвращает к началу стихотворения (*здесь все то же, то же, что и прежде*): ожидаемая вторая смерть подтверждает обоснованность повтора *то же, то же* (два раза повторяется — две смерти).

Повторы актуализируют смыслы, усиливают ощущение безнадежности, выражают эмоции по отношению к тому месту, где находится героиня, подчеркивают близость смерти героини.

Список литературы

1. Ахматова А.А. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М., 1990.
2. Гак В.Г. Повторная номинация и ее стилистическое использование // Вопросы французской филологии. М., 1972.
3. Донецких Л.И. Слово и мысль в художественном тексте. Кишинев, 1990.
4. Реферовская Е.А. Лингвистические исследования структуры текста. Л., 1983.

М.С. Милованова (Москва)

СИНКРЕТИЗМ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ЭЛЕМЕНТА ПРОТИВО-

Современное словообразовательное гнездо с вершиной *против* представлено в Словообразовательном словаре русского языка А.Н. Тихонова [10] 32 словами¹, в том числе и относящимися к пассивному запасу современной лексики. Многочисленные образования со словообразовательным элементом *противо-* распределены по другим гнездам, вершиной которых является следующий за *против* полновесный корень (например, *танк* — *противотанковый*, *торпеда* — *противоторпедный*, *эпидемия* — *противоэпидемический*, *стоять* — *противостоять*).

Такое «расчленение» (*против* — корень и *против(о)-* — приставка), зафиксированное в словообразовательном словаре, возможно, отражает существование функциональных омонимов, объединенных омокомплексом *против*: *против-* корень ведет своё происхождение от наречия *против*, которое образует самостоя-

¹ Эту группу можно было бы расширить за счет потенциала. Имеются в виду «слова, никак не заслуживающие преждевременной смерти, еще вполне гибкие, таящие в себе богатое движение» [9:4], например, *противить*, *противеть*, *противничать*, *противствовать*, *противка* («сопротивление, перекор»), *противничий*, *противчик*.